

На заре освоения космоса на популярном колонизационном маршруте от Земли до Марса находилось шесть небольших космических станций, служивших для транзита кораблей и ретрансляции сигналов. По мере развития аэрокосмических технологий и разработки систем искусственной гравитации, полёты в пределах расстояния от Земли до Солнца больше не требовали транзитных остановок. Ретрансляцию сигналов взяли на себя многочисленные малые спутники связи, и эти шесть станций одна за другой оказались заброшены. На сегодняшний день единственный смысл их существования сводился к роли базовых станций, рассылающих проходящим мимо кораблям подтверждения маршрутов и прогнозы космической погоды.

Юлиан нахмурился, не отрывая взгляда от красного штормового предупреждения на главном экране управления. Уже четыре часа подряд «Альберт» получал от одной и той же космической ретрансляционной станции предупреждения о солнечной вспышке высшего уровня опасности. Каждое последующее сообщение звучало всё более настойчиво, а последнее и вовсе было зачитано не стандартным синтезированным голосом диктора, а живым человеческим, с сильным акцентом. До этого момента Юлиан даже не подозревал, что на этих станциях всё ещё дежурят живые люди.

— Только эта станция передала прогноз о солнечной вспышке, класс X50. Другие станции тоже прислали сообщения, но все они касаются лишь подтверждения маршрута, — Юлиан развернулся в кресле и доложил Z.

Сам того не заметив, он уже превратился в полноправного члена экипажа «Альберта». Z откровенно раздражала его бьющая через край сообразительность и лётная лицензия, не подкреплённая ни граммом практики. Поэтому даже пуская Юлиана в рубку управления, Z всегда стоял над душой и контролировал каждый его шаг. Юлиана это ничуть не задевало, он был только рад лишнему поводу понаблюдать за Z.

— ЕМ-1, Первая космическая станция... Она находится в стороне от регулярных маршрутов между Землёй и Марсом. — Z мельком взглянул на подпись под штормовым предупреждением и задумался.

Позволив себе непозволительную роскошь занять канал связи, он вышел в сеть, чтобы пробить информацию о персонале станции ЕМ-1. База данных Европейского космического агентства выдала чёткий ответ: последняя смена живых сотрудников покинула эти шесть станций ещё тридцать лет назад. А ЕМ-1, будучи резервной станцией вдали от регулярных трасс, осталась безлюдной задолго до этого.

Юлиан поджал губы и нерешительно произнёс:

— Как думаешь, это не может быть... — он проглотил конец фразы и, подняв правую руку, указал пальцем на себя.

— Исключено, — отрезал Z. — Слишком уж топорная ловушка. К тому же ЕМ-1 — орбитальная станция, её способность к активному маневрированию стремится к нулю. Ей нас ни за что не

догнать. Неужели твой император настолько туп?

Лицо Юлиана приняло весьма сложное выражение, но он промолчал.

Раздел мер безопасности «Руководства по космическим полётам» касательно штормовых предупреждений о солнечных вспышках гласил: «При получении предупреждения о солнечной вспышке класса X50 и выше все гражданские суда обязаны прекратить любую внекорабельную деятельность. Малым судам надлежит немедленно состыковаться с ближайшей космической станцией или космопортом для укрытия. В случае невозможности осуществить стыковку до расчётного времени выброса все гражданские суда обязаны немедленно вернуть на борт персонал, задействованный во внекорабельной деятельности, скорректировать курс на безопасный, отключить маршевые двигатели и систему искусственной гравитации, а также свернуть панели солнечных батарей».

Главная опасность солнечных вспышек кроется в потоках высокоэнергетических заряженных частиц. Малые корабли, подобные «Альберту», обычно делают ставку на манёвренность, а потому лишены защитных экранов, способных надёжно уберечь экипаж и электронику. Довольно несправедливо: чтобы спасти электронику, её достаточно просто обесточить. А вот человека так просто не выключишь.

Сейчас «Альберт» находился на расстоянии всего одного орбитального манёвра от ЕМ-1. По правилам им следовало немедленно пройтись по чек-листу экстренной стыковки и пришвартоваться к станции. Но даже с учётом этого Юлиан не считал стыковку хорошей идеей. Никто не знал, что сейчас творится на ЕМ-1. Возможно, едва покинув шлюзовую камеру, они примут душ из зарина. А может, там затаилась банда пиратов, только и ждущая возможности взять «Альберт» на абордаж. И учитывая, что это был именно «Альберт», Юлиан отнюдь не считал второй вариант лучше первого.

— У нас есть образец его голоса, — предложил Юлиан. — Кто бы это ни был, мы можем подключиться к базе фонограмм и провести биометрическую экспертизу голоса, чтобы установить его личность.

Z вздёрнул бровь:

— У гражданских судов нет допуска к базам фонограмм. Если ты забыл, мы сейчас находимся далеко от пределов бизнес-империи твоего жениха, где ты мог призывать ветер и вызывать дождь.

Крыть Юлиану было нечем. Он послушно заткнулся.

— Его цель — заманить нас на ЕМ-1, — Z озвучил своё решение прямо и безапелляционно. — Значит, мы туда отправимся. Готовься ко внекорабельной деятельности (EVA).

Юлиан округлил глаза.

— Запасные скафандры лежат возле декомпрессионной камеры, — сказал Z.

Юлиан не сдвинулся с места.

— Тебе настолько не хочется туда лезть? — Z изогнул бровь.

— Нет... — замялся Юлиан. — Дело в EVA. Даже если мы собираемся на ЕМ-1, нам следует состыковаться. Зачем готовиться ко внекорабельной деятельности? Разве штормовое предупреждение не предписывает прекратить любую EVA?

— Чтобы избежать того самого душа из зарина, который ты себе нафантазировал, — Z бросил на Юлиана короткий взгляд и, что случилось крайне редко, пустился в серьёзные объяснения. — На ЕМ-1 нет бортовых систем вооружения. Отказ от стыковки в пользу проникновения через EVA гарантирует, что на «Альберт» никто не проникнет. А мобильность при внекорабельной деятельности позволит нам оперативно вернуться на корабль, если запахнет жареным. Что же касается солнечной вспышки... не факт, что это предупреждение подлинное. Но даже если оно настоящее, в нашем распоряжении есть ещё двадцать один час. Корабельные скафандры поддерживают стандартное атмосферное давление, так что нам не придётся тратить время на вымывание азота из крови. Вся операция по высадке на ЕМ-1 через EVA займёт от силы полчаса.

Он внимательно проследил за выражением лица Юлиана и вдруг подозрительно нахмурился:

— У тебя ведь точно есть лётная лицензия? Ты что, не проходил психологическое тестирование на нахождение в замкнутом пространстве?

— Проходил, — рефлекторно начал оправдываться Юлиан. Он с силой потёр лицо руками. — Я справлюсь... Только сначала приму таблетки.

Он отстегнул ремни безопасности и уже поднялся, чтобы пойти в свою каюту, но Z мёртвой хваткой вцепился ему в предплечье:

— Перед EVA приём медикаментов строго запрещён. Только не говори, что ты этого не проходил.

Несколько секунд Юлиан и Z молча смотрели друг другу в глаза. Юлиан хотел было возразить, что его препараты легко проходят любые медицинские проверки, но Z был прав. Его таблетки годились для сдачи экзаменов, но в реальных боевых условиях от них не было никакого толку. Оставив попытки спорить, он понурил голову и поплёлся к шкафчикам возле декомпрессионной камеры. Резервные скафандры на «Альберте» оказались в точности той же модели, в которой Юлиан сдавал на лётную лицензию, так что норматив по надеванию и снятию экипировки за пятнадцать секунд он ещё не до конца забыл. Упаковав себя в кокон из высокотехнологичного синтетического волокна, он зажал шлем под мышкой и шагнул в декомпрессионную камеру.

— Пожалуйста, говори со мной как можно больше, — тихо попросил Юлиан. Он произнёс это так тихо, словно вообще не рассчитывал быть услышанным.

Z обернулся, но Юлиан держался так, будто эти слова произнёс кто-то другой. Он водрузил на голову шлем, откинул забрало и сквозь стекло герметичной двери показал Z жест «ОК». Z свой скафандр надевать пока не стал. Прислонившись к двери, он на секунду задумался, а затем, вместо того чтобы пойти переодеваться, нажал на переключатель. Замки гермодвери наглухо защёлкнулись, и в ту же секунду свет в декомпрессионной камере погас.

Z выудил из шкафчика свой шлем и нацепил его на голову. Он открыл канал связи, но отключил собственный микрофон. В наушниках раздался голос Юлиана, спрашивающего, что произошло. А что, собственно, могло произойти? Z хранил молчание, и до Юлиана постепенно дошёл истинный смысл происходящего. После первых растерянных вопросов он больше не проронил ни звука. В эфире стоял лишь белый шум, сквозь который пробивалось дыхание Юлиана. Z закрыл глаза.

Семнадцать минут. Спустя всего семнадцать минут дыхание Юлиана в канале связи сделалось прерывистым и тяжёлым. Стало слышно даже, как у него стучат зубы. Z разблокировал гермодверь и рывком затащил Юлиана обратно.

— Ты уверен? — спросил Юлиан, положив палец на тумблер стыковки и обернувшись. — Мы действительно собираемся состыковаться с ЕМ-1?

— А сам как думаешь, чья это вина? — саркастично бросил Z. — Минимальный допуск для EVA — три часа, а стандартная лётная лицензия требует допуска на шесть часов. А ты... твой результат в тесте на сенсорную депривацию — семнадцать минут. Может, в экзаменационных центрах для привилегированного класса кривизна пространства-времени какая-то другая, нежели на этом корабле?

Юлиан сдержался и не стал возражать. Когда он сдавал лётный экзамен, он уже был в бегах и не пользовался никакими связями и властью корпорации «Америнка». Но он сидел на таблетках. Новейший препарат, который подогнал ему Йесот, легко обходил допинг-контроль — и это, пожалуй, делало ему чести не больше, чем использование привилегий. Вплоть до прошлой недели он продолжал принимать лекарства, чтобы справляться со своей фобией.

Да, Юлиан употреблял препараты и потратил целых три недели только на то, чтобы освоить азы выхода в открытый космос. При всём этом он по-прежнему считал себя хорошим мальчиком, но Z, очевидно, был иного мнения. Пусть он говорит что угодно. Пытаться скрыть свои недостатки от язвительного, невероятно наблюдательного соседа, помешанного на контроле, не имело никакого смысла. Он не был из тех идеалистов, что грезят о космической экспансии, и не собирался играть в безрассудного космического ковбоя. Он давно понял, что ему никогда не заслужить признания Z, пусть даже втайне он до одури завидовал ему. «Ничего страшного, — подумал Юлиан. — В конце концов, я к этому привыкну».

В отличие от гигантских орбитальных станций в системе Земля-Луна или парящих городов

Венеры, полезный объём этих шести станций был сопоставим лишь с небольшим колонизационным кораблём, лишённым двигательных систем. Освободившееся место занимало высокоточное оборудование для навигации и связи, а также мощные защитные экраны, необходимые для бесперебойной работы этой аппаратуры. Именно поэтому данные станции и были назначены в качестве убежищ на случай солнечных вспышек.

История ЕМ-1 была ещё более легендарной. Изначально, два столетия назад, она представляла собой беспилотный зонд-разведчик «Планка» из российской программы исследования дальнего космоса. Потерпев неудачу при попытке изменить курс с помощью гравитационного манёвра возле Марса, зонд вышел на гелиоцентрическую орбиту. Позже его перехватило Европейское космическое агентство и переоборудовало в самую крошечную из шести ретрансляционных станций. Если Z действительно всё обдумал, прежде чем принять решение проникнуть на ЕМ-1 (в чём Юлиан сильно сомневался), то его главным аргументом было то, что станция, переделанная из беспилотного зонда, по определению не могла быть оснащена оружием массового поражения.

Как только автоматическая стыковка завершилась, Z чисто символически передал в эфир позывной и порт приписки корабля, после чего жестом велел Юлиану надеть внутрикорабельный скафандр и вместе с ним выйти на стыковочную палубу. Миновав несколько гермодверей, они оказались в зоне досмотра ЕМ-1. Юлиан обратил внимание, что на экране численность персонала станции отображалась как 197 человек. Для крошечной станции, болтающейся в стороне от регулярных трасс между Землёй и Марсом, это казалось чрезмерным. К тому же его анонимный терминал всё никак не мог подключиться к локальной сети станции, что выглядело крайне подозрительно.

Он покосился на Z. Тот, убедившись, что температура, давление и состав воздуха в помещении в норме, начал неспешно стягивать с себя внутрикорабельный скафандр. Бросив его прямо на пол, Z оставил себе лишь кислородный баллон и облегчённый шлем, которые запихнул в рюкзак. Z тоже заметил аномалию с количеством людей и отсутствием сети, но даже бровью не повёл. Юлиану не оставалось ничего иного, кроме как последовать его примеру и снять с себя единственную защиту. Согласно схеме эвакуации ЕМ-1, дальше им предстояло пройти в буферную зону гравитации, переждать там час, а затем проследовать в жилой отсек.

Юлиан было решил, что Z решил довериться обитателям ЕМ-1, однако перед тем, как нажать на кнопку открытия шлюза в буферную зону, Z вдруг обернулся и бросил:

— Держись за меня.

Предупреждение прозвучало слишком поздно, Юлиан попросту не успел среагировать. В ту же секунду, как дверь распахнулась, перепад давления с воем всосал его внутрь, подбросив в воздух. Мир закружился перед глазами, и в этой круговерти он отчётливо услышал два выстрела.

— Мог бы и догадаться, — сказал Z.

Он висел, зацепившись одной ногой за настенный фиксатор, втиснув тело в прямой угол между двумя стенами. Разорванный в спешке воротник рубашки выдавал его растрёпанный вид, резко контрастировавший со спокойным тоном. Юлиан одной рукой прижимал взбунтовавшийся от внезапного вращения желудок, а другой намертво вцепился в талию Z. Будучи глупым земным аборигеном, Юлиан понятия не имел, какова стандартная гравитация на станциях серии ЕМ, но какой бы она ни была, такого происходить не должно: два смежных помещения оказались не статичны относительно друг друга! Включение центрифуги гравитации без малейшего предупреждения — уже не просто недружелюбный жест: враждебность стала абсолютно неприкрытой.

Ещё одним доказательством служили две кучки металлолома прямо под их ногами. Судя по форме обломков, одна из них при жизни была камерой видеонаблюдения. Что касается второй, Юлиан, будучи слишком занят попытками успокоить свой вестибулярный аппарат, не успел её разглядеть. Но он был абсолютно уверен, что эта штукавина летела прямо на них с совершенно неясными намерениями. Контратака Z была стремительной и эффективной: судя по всему, он применил направленный электромагнитный импульсный снаряд. Как он вообще догадался?

— Потому что ЕМ-1 — беспилотная станция, здесь больше нечему быть, — ответил Z.

Наметив точку приземления, он оттолкнулся от фиксатора и спрыгнул вниз. Его движения вышли почти элегантными. По сравнению с ним приземление Юлиана вышло донельзя неуклюжим. Местная гравитация отличалась от той, что была на «Альберте» — примерно 0,2 от стандартного земного притяжения, почти как на Луне. Ему требовалось время, чтобы приноровиться и поймать баланс.

Z пнул вторую кучку металлолома и носком ботинка подцепил сменный картридж для инъекций.

— Вот это, — произнёс он. — Автоматический карантинный дрон. Вся его убойная сила сводится к принудительной вакцинации.

Юлиан присел на корточки. Он уже было протянул руку к блоку, но вдруг вскинул голову и посмотрел на Z. Тот едва заметно кивнул. Юлиан вскрыл упаковку и вчитался в надписи на аккуратно уложенных сменных ампулах. Как ни странно, текст был на русском, а не на английском. Поскольку терминал не работал, ему потребовалось некоторое время, чтобы разобрать написанное. Пропрофол.

Z нахмурился:

— Что это такое?

— Анестетик, заменитель «Афродиты», — ответил Юлиан. — Я видел его в больнице... И не смотри на меня так, я не вру. То, что я сижу на таблетках, ещё не делает меня конченым наркоманом.

Z одарил его скептическим взглядом. Но прежде чем Юлиан решился встать на защиту собственного достоинства, Z сменил тему:

— Пропофол. Звучит как нечто из глубокой древности.

— Так и есть. Долгое время он был основным анестетиком, пока его не вытеснила «Афродита».
— Юлиан сосредоточился на деле, изо всех сил пытаясь вспомнить объяснения врачей. — Действует быстро, но эффект длится недолго, к тому же он дорогой. Единственный плюс — отсутствие риска аллергических реакций, который у «Афродиты» достигает восьми процентов.

— У тебя аллергия на «Афродиту»?

— Нет. — Юлиан в замешательстве покачал головой.

Пришлось признать, что первоначальная оценка Z была верна: похоже, эта акция не была направлена лично против него. Более того, если бы его желудок всё ещё не скручивало от скачков гравитации, он бы даже решил, что пропофол зарядили в шприцы специально, чтобы избежать случайных смертей от анафилактического шока. Как будто эти люди не замыслили ничего дурного.

Z, сам не заметив когда, уже пересёк комнату и остановился перед дверью, расположенной прямо напротив той, через которую они вошли. Судя по схеме ЕМ-1, за ней должен был находиться жилой отсек. Юлиан подошёл следом и тревожно спросил:

— Собираешься войти?

Z бросил на него нечитаемый взгляд, оставив вопрос без ответа. Юлиан и сам понимал, насколько глупо это прозвучало. Они находились в буферной зоне гравитации. Этот отсек, словно хвост ящерицы, мог быть отброшен в любой момент. В жилой зоне по определению безопаснее, чем в буфере. Но у него никак не шло из головы это пугающее число — 197 человек на станции. Возможно, стоит им переступить порог, как их встретит целый вооружённый взвод. И тогда, будь Z хоть самым выдающимся космическим ковбоем в галактике, их уже ничто не спасёт. Плотно сжав губы, он смотрел, как Z открывает последнюю дверь.